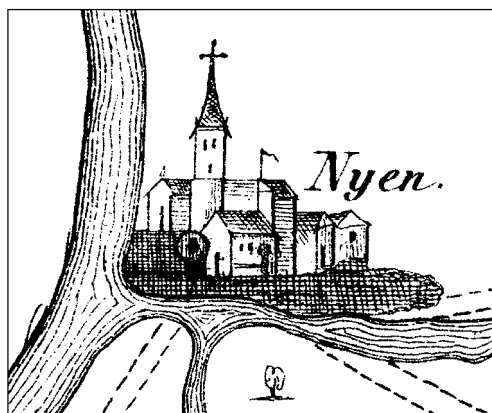

Забывтый новый город

Пирет Лотман

Нюен на карте начала XVII века.

Планомерное создание новых городов началось в Швеции во время правления короля Густава II Адольфа и королевы Кристины. Так называемая лихорадка градостроительства была вызвана меркантилистской торговой политикой Швеции, одним из последствий которой было создание (по меньшей мере) тридцати новых городов в Шведском королевстве в период с 1611-го по 1650 гг. Сегодня среди этих новых торговых городов уже не упоминают Нюен, город в тогдашней провинции Ингерманландия, привилегии которого были утверждены в 1642 г.¹

В дарованных привилегиях создание города при крепости Нюенсканс обосновывалось ее выгодным для торговли положением. Развитие торгового города Нюена в контексте торговли на Балтийском море анализировал Энн Кюнг.² Настоящий беглый обзор является лишь дополнением к основательному исследованию Энна Кюнга и попыткой указать на другие стороны жизни этого забытого города.

Город, строившийся в устье Свартбека (Охта), притока реки Нюен, занимал очень выгодное географическое положение, однако болотистая почва стала серьезным пре-

пятствием для градостроительства. Центром компактно заселенного города стал район на высоком правом берегу реки, вокруг пастората Шведской церкви. Составленный Георгом Швенгелем план города представлял собой в основании четырехугольник, как и в других городах, построенных в то время.³ Ратуша изначально была повернута фасадом к реке. После войны вместо уничтоженного здания на краю городской площади была построена новая ратуша, украшенная колокольней в центре крыши, что характерно для тогдашних маленьких шведских городков. Площадь окружали дома зажиточных горожан.⁴ Два городских строительных мастера отвечали за то, чтобы все владельцы участков при строительстве следовали плану города. В их компетенцию входил надзор за всеми государственными и частными строениями, а также за всеми дорогами и улицами, которые должны были быть мощеными и чистыми. Строительные мастера следили и за поддержанием глубины портов. Четыре раза в год – 1 января, 1 мая, в Иванов день и Михайлов день – они вместе с фогтом, бургомистром и двумя ратманами обходили городские дома, мосты, улицы и порты, а затем отчитывались

¹ Å. Ohlmarks, N. E. Bærendtz. Svensk Kulturhistoria. Forum AB, 1981, 1983, с. 254–255.

² E. Kung. Nyen transiitkaubanduse keskusena Neeva jõe suudmealal 1632–1703. – Tuna 2003, № 1. Пользуюсь случаем поблагодарить д-ра Э. Кюнга за помощь в работе над настоящей статьей, написанной во многом благодаря его инициативе.

³ П. Е. Сорокин. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. С.-Пб: Литера, 2001, с. 61–62; M. Hellsspong, O. Löfgren. Land och stad. CWK Gleerup Bokförlag, Lund, 1972, s.188.

⁴ П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 64–65.

перед вице-губернатором и магистратом о проблемах градостроительства и вносили предложения о строительстве и реставрации зданий. Помогал им в этом строительный писмоводитель (*byggningskrivare*). В 1671 г. право принимать решения по поводу незастроенных участков и жилых домов перешло к магистрату, лишь наиболее важные вопросы следовало обсуждать с генерал-губернатором.⁵

Согласно привилегиям, целью создания нового торгового города было развитие культуры и строительства Ингерманландии, ее усиление и повышение благосостояния ее населения.⁶ За этой формальной фразой скрывается целый комплекс проблем. Городскую культуру нельзя рассматривать отдельно от всего общества. Созданные в Шведском королевстве в XVII веке города были, в основном, сообществами новопоселенцев, что уже само по себе не могло стать надежной основой успешного функционирования города, поэтому новые города зачастую не могли соперничать со средневековыми.⁷ Социальный состав Ньюена был еще более разнороден, чем в новых городах Швеции или Финляндии. В противоположность точным хронологическим границам существования Ньюена – с момента получения привилегий до окончательного уничтожения города прошло лишь 70 лет (на этот период приходится и разрушение города в ходе русско-шведской войны 1656-1658 гг.) – определить его с точки зрения культуры очень сложно: гетерогенное население Ньюена состояло из разных общественных групп с весьма различающейся самоидентификацией. Ньюен был основан на шведском городском праве, причем большую часть его потенциальных жителей составляли финно-угры и шведы, преимущественно, лютеране, а другую – меньшую – православные русские. В то же время ориентация основателей города на сильное купечество была

предпосылкой формирования доминирующего немецкого населения.

По утверждениям Карла фон Бонсдорфа, целью правительства при основании Ньюена было не создание финско-шведского форпоста на русском направлении, но привлечение в город зажиточного купечества, которое, как в Нарве, Таллинне и Выборге, стало бы посредником в русско-шведских торговых отношениях. В 1642–1651 гг. Ньюен был также резиденцией генерал-губернатора Ингерманландии и Кексгольма; в 1651 г. его резиденцией стала Нарва.⁸

Основную массу населения города образовывали финны и шведы с преобладанием финнов из восточной Финляндии – Саво и Карелии. В то же время шведско-финская община была самым низким социальным слоем города, в нее входили простые рабочие, ремесленники и лишь отдельные купцы. Как и в других портовых городах раннего Нового времени, здесь были столяры, портные, сапожники, маляры, кузнецы, слесари, пекари, ткачи, стекольщики, дубильщики, скорняки, седельщики, канатчики, гончары и другие ремесленники; много было возчиков, носильщиков и лодочников. Горожан, наемщиков из числа православных жителей Ингерманландии, было мало, а после русско-шведской войны их стало еще меньше. Городскую шведо-финскую церковь посещали также крестьяне-лютеране из соседнего Спасского погоста.⁹

Свой национальный отпечаток пыталась придать городу немецкая община, в которую входили купцы и представители более престижных ремесленных профессий. Численность немецкой общины была невелика, чего не скажешь о ее социальной влиятельности. Немцы были финансовой аристократией Ньюена, добившейся, по крайней мере к концу века, доминирующего положения в городе. Ратманы Ньюена в большинстве своем были немецкого происхождения, и письма швед-

⁵ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans: historisk skildring. Acta Societatis scientiarum Fennicae, XVIII. Helsingfors, 1891, s. 397–399.

⁶ RA, Livonica II: 678.

⁷ M. Hellsspong, O. Löfgren. Land och stad. CWK Gleerup Bokförlag, Lund, 1972, s.182–183.

⁸ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 396.

⁹ Там же, с. 408–411.

скому правительству писали по-немецки. Можно предположить, что многие немецкие граждане имели сомнительное социальное прошлое. Прежние исследователи называли Ингерманландию шведской Сибирью. Бедная, болотистая местность с длинными темными зимами и опасными соседями не обещала ни экономической стабильности, ни яркой духовной жизни, характерной для крупных портовых городов. Здесь искали убежища авантюристы и люди, вступившие на родине в противоречие с законом. Эти люди, возможно, обладали способностями и предприимчивостью, но они, по крайней мере в первой половине века, не отличались ни особой образованностью, ни воспитанием.

По данным Карла фон Бонсдорфа в 1640 г. в Ньюене было 294 жителя, год спустя – 384, а в 1642 г. – уже 471 житель.¹⁰ Судя по хранящемуся в Финском национальном архиве списку налогоплательщиков лена Нетеборг за 1642 г., население Ньюена было несколько бóльшим. По этому списку в городе было учтено 232 женщины и 239 мужчин.¹¹ Расцвет города пришелся на вторую половину XVII века, когда число жителей достигало уже двух с половиной тысяч.¹²

В 1640 г. права граждан имели 67 жителей Ньюена.¹³ Количество членов магистрата привилегиями не устанавливалось, но по данным Карла фон Бонсдорфа, ратманов было от пяти до семи. Поначалу в городе был один бургомистр, в 1663 г. возникла потребность во втором, который был назначен на должность в 1668 г. В 1679 г. в Ньюене появился и третий бургомистр, в 1684–1698 гг. их вновь было два – по юстиции и по строительству. С 1690 г. известно о юстиц-бургомистре,

бургомистре и по торговым делам. Если Рат крупного города Стокгольма делился на четыре коллегии, то в Ньюене их было две: во главе одной стоял юстиц-бургомистр, в обязанности которого входили порядок в городе, забота о бедных и попечительские дела. Второй коллегией руководил строительный или торговый бургомистр, отвечавший за строительство, доходы и расходы города.¹⁴

Духовным центром города была церковь. Отношения между шведской государственной властью, городом и церковным правлением были весьма сложными по всей Ингерманландии, что нашло отражение и в церковной жизни Ньюена. Водоразделом между различными социальными группами была их конфессиональная принадлежность. Церковь шведо-финской общины располагалась в южной части города, в 50 м от реки. Впервые она упоминается в 1632 г. в связи с назначением настоятелем ньюенской церкви Хенрикуса Мартина Фаттебуура.¹⁵ Сын выборгского бургомистра Фаттебуур учился в Ростоке, Франкфурте-на-Одере и в Виттенберге, где получил степень магистра философии. До своего назначения в Ньюен он был ректором городского училища (*Trivialschule*) и ассессором Домского капитула в Выборге. В 1634 г. состоялась его конфирмация в пробсты.¹⁷ При назначении первого суперинтенданта Ингерманландии в шведском государственном совете 21 июля 1641 г. наряду с кандидатурой Генриха Шталя обсуждался и Хенрикус Фаттебуур, который якобы умел великолепно общаться с русскими. Однако его светская репутация не выдержала сравнения с добродетельным и похвального поведения Шталем.¹⁸ В 1697 г. к Ньюенскому приходу присоединили, ввиду смерти пастора, при-

¹⁰ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 409–410.

¹¹ КА, 9656. Приношу свою благодарность дру Энну Кюнгю за предоставленную копию списка.

¹² П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 58.

¹³ Там же, с. 57. О правах граждан в Ингерманландии См. E. Küng. Narva kodanikkonnast 1581–1704. – *Rootsi suurriigist Vene impeeriumisse. Eesti Ajalooarhiivi Toimetised* 3(10). Toim. л. Pahtma, H. Tamman. Tartu, 1998, lk. 5–57.

¹⁴ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 400.

¹⁵ П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 74.

¹⁶ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland. I. Lutherska stiftsstyrelsen, församlingarnas prästerskap och skollärare i Ingermanland under svenska tiden, Helsingfors, 1987, s. 185.

¹⁷ SRA, Livonica II: 208.

¹⁸ Svenska Riksrådets Protokoll. VIII, Stockholm, 1898, s. 661.

счел желание горожан-немцев организовать богослужение на их родном языке вполне обоснованным и просил правительство удовлетворить их ходатайство.²³ Резолюцией правительства от 31 августа 1646 г. ему ответили, что немецкие проповедники не нужны, поскольку немцев в городе мало. Два года спустя, после переговоров с генерал-губернатором и магистратом, немецкий проповедник был все же приглашен, им стал Даниэль Брокхаузен, который два года проработал домашним учителем в доме генерал-губернатора Мёрнера.²⁴ По данным Къести Вяэнянена, Даниэль Брокхаузен родился в Хинтерпоммерне, учился в Грейсфвальде и был дьяконом немецкой общины в Нарве.²⁵ В Ньюене в его обязанности входило оказание сакральных услуг немцам-горожанам и проезжим купцам, чтение проповедей по воскресным вечерам и во время торжественной мессы каждое третье воскресенье. Кроме того, по частной договоренности он мог обучать детей дворян и купцов начальной грамоте. Но у него не было ни малейшего права вмешиваться в должностные обязанности других пасторов или претендовать на их доходы.²⁶

Все же ньюенские немцы не думали отказываться от идеи создания самостоятельного прихода. Они стали ходатайствовать о разрешении на строительство собственной церкви. Суперинтендант Генрих Шталь поддержал их и в этом вопросе, и резолюцией королевы от 6 сентября 1649 г. немцы получили право построить церковь за свой счет, при условии, что право патроната сохранится за правительством, а приход будет подчиняться консистории. Под предлогом работ по фортификации генерал-губернатор в течение многих лет не находил подходящего участка для строительства немецкой церкви. В это же время пастор шведского прихода Эрландус Йона Хьярне в

своем письме жаловался на раскол церкви в Ньюене. По его мнению, разделение маленького прихода на два может причинить большой вред. Правительство разрешило эти жалобы в пользу немецкого прихода. 16 сентября 1653 г. королева назначила Даниэля Брокхаузена пастором немецкого прихода Ньюена с окладом в сто риксталеров. 19 октября того же года королева обязала генерал-губернатора Эрика Стенбока найти подходящий участок для строительства церкви и следить за успешным ходом работ.²⁷ Однако о строительстве церкви в довоенные годы сведений нет. Назначение на должность Брокхаузена вызвало конфликт между приходом и магистратом, последний даже отменил его приглашение. По мнению суперинтенданта, право назначения принадлежало приходу. В то же время шведский пастор без разрешения консистории поехал в Стокгольм, чтобы добиться устранения в Ньюене места немецкого пастора.²⁸ Он попал на прием к королеве, но путешествие по осеннему морю стало для него роковым: он заболел и в феврале следующего года умер.²⁹

По данным Къести Вяэнянена, 1 июня 1656 г., когда на Ньюен напали русские войска, Брокхаузен бежал в Нарву и вернулся лишь после войны.³⁰

До войны пастором немецкого прихода Ньюена успел побывать еще один священник с не самой счастливой судьбой. Сын ревельского гражданина, учившийся там в гимназии, затем в университетах в Дерпте, Кенигсберге и Ростове,³¹ Михаэль Шольбах был призван духовным пастырем в Нарву в 1643 г. После того, как умер тесть Шольбаха, пастор нарвского немецкого прихода Мартинус Беэр, нарвский магистрат, против воли консистории, пригласил в 1650 г. вторым пастором Саломона Маттия из Дерпта. Саломон Маттия стал вскоре *pastori primario*, руководившим всеми

²³ RA E-732. Письмо Х. Г. Шталя Акселю Оксенштирну, 8.10.1643 в Ньюене.

²⁴ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s.441.

²⁵ K. Väinänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 162.

²⁶ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 441.

²⁷ Там же, с. 442.

²⁸ RA E-732. Письмо Х. Г. Шталя Акселю Оксенштирну, 14.06.1653.

²⁹ O. Strandberg. Urban Hiärnes ungdom och diktning, Stockholm, 1942, s. 15.

³⁰ K. Väinänen. Herdaminne för Ingermanland, s.162.

³¹ Там же, с. 271.

областями церковной жизни.³² Обиженный Шольбах, считавший, что таким образом он был понижен в должности, бросил свой новый каменный дом в Нарве и принял предложенное ему место пастора в Ньюене. С учетом того, что к началу военных действий Шольбах недополучил 100 риксталеров, он успел пробыть в должности лишь один год. После нюенского пожара он был вынужден вернуться в Нарву.³³ Поскольку Саломон Маттия с семьей бежал от войны в Любек и немецкий приход остался без пастора, Шольбаха вновь утвердили на эту должность.³⁴ По какой-то причине он в Нарве все же не остался; по сведениям Къести Вяэнянена, в мае 1656 г. его назначили пастором в Виру-Нигула в Эстонии, где он приступил к исполнению своих обязанностей в следующем году.³⁵ Энн Кюнг также не нашел имени Шольбаха в расчетных книгах Нарвы после 1655 г.³⁶

Михаэль Шольбах стал позже пробстом Вирумаа и Алатагузе. Можно предположить, что с суперинтендантом Ингерманландии и создателем эстонской церковной литературы Генрихом Шталем его связывали не только общая среда и схожие судьбы, но и личная дружба. Генрих Шталь был крестным отцом сына Шольбаха Бенедикта, а Шольбах – кумом сына Шталя Хинриха.³⁷ Среди известных печатных текстов Михаэля Шольбаха есть и проповедь памяти первой жены Хейнриха Шталя Доротей.³⁸ Более того, плохие отношения Шольбаха с нарвской немецкой общиной можно объяснить напряженностью, существовавшей между суперинтендантом Шталем и

магистратом. Приглашение Саломона Маттия без согласия консистории и его продвижение были прямым вызовом суперинтенданту.³⁹

После войны на должность немецкого пастора в Ньюен вновь пригласили Даниэля Брокхаузена, и утихший было конфликт вспыхнул с новой силой. В 1661 г. суперинтендант Йоханнес Гезелиус отстранил его за «бессовестность и непригодность». В том же году его назначили пастором в ингерманландский приход Молосковицы. Но вскоре Брокхаузена и оттуда выгнали. На его место был утвержден Георгиус Шродерус, прибывший из Турку по приглашению шведо-финского прихода и хорошо владевший финским языком.⁴⁰ Брокхаузен, поддерживаемый некоторыми нюенскими купцами, пожаловался в консисторию на проявленную по отношению к нему несправедливость со стороны суперинтенданта и нарвской консистории.⁴¹ Консистория сочла его жалобу частично оправданной, поскольку магистрат Ньюена задолжал ему деньги за прежнюю службу.⁴² Однако при рассмотрении дела в суде консистории вышли на свет бесчисленные конфликты Брокхаузена с различными людьми, как духовного, так и светского звания, с дворянами и купцами, с немцами и шведами, так что духовная карьера этого «изначально беспокойного человека с негодным для пастора образом жизни» в Ингерманландии была закончена.⁴³ О дальнейшей судьбе Даниэля Брокхаузена известно только, что в апреле 1664 г. он написал письмо Уппсальскому архиепископу.⁴⁴ Тогда же он стал пастором в Вайвара, где и умер в 1671 г.⁴⁵

³² RA, Livonica II: 205. Нарвский пат 22.08.1654.

³³ RA, Livonica II: 205. Письмо М.Шольбаха 22.08.1656.

³⁴ RA, Livonica II: 205. Члены Нарвского пата 28.08.1656.

³⁵ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 271.

³⁶ E. Kung. Kes oli Christianus Krüger? – Tuna 2001, № 1, lk. 20.

³⁷ ИАЭ ф. 4380, оп. 1, д. 1, л. 24, 29 об.

³⁸ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 272.

³⁹ P. Lotman. Ingermanlands kyrkliga utveckling från superintendentures inrättande till svensk-ryska kriget (1640–1657). – Studia Baltica Stockholmiensia 21. Stat-kyrka-samhälle. Ed. Anu-Mai Köll. Uppsala, 2000, s. 100–102.

⁴⁰ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 162–163.

⁴¹ RA, Livonica II: 644. Жалоба Брокхаузена 21.05.1663.

⁴² RA, Livonica II: 644. Реакция Консистории на жалобу Брокхаузена 21.05.1663.

⁴³ RA, Livonica II: 483. Нарва, 5.08.1663.

⁴⁴ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 163.

⁴⁵ Ehstlands Geistlichkeit in geordneter Zeit- und Reihefolge / Zusammengestellt von H. R. Paucker, Reval, 1849, s. 156. В лексиконе используется написание *Daniel Bruchhausen*. Благодарю за это замечание д-ра Велло Хелька.

Пастором немецкого прихода в Ньюене в октябре 1662 г. был назначен магистр Хенрикус Фризиус, родившийся в Ростоке и учившийся в Ростоке и Кенигсберге.⁴⁶ О его конфликтах со шведским приходом сведений нет, чего не скажешь о его последователе, магистре Иоахиме Мейнке.⁴⁷ Родившийся в Висмаре, учившийся в Ростоке и Лейпциге магистр Мейнке начал свою карьеру в Ингерманландии пастором немецкого прихода в Нарве. Его острые и оскорбительные проповеди довели до того, что в 1668 г. горожане своей волей решили его арестовать. В 1671 г. его сослали пастором в Ньюен. В 1683 г. Мейнке пригласили пастором в лютеранский приход в Москву, где он продолжал скандалить с прихожанами и был известен тем, что умело вставлял в свои проповеди злободневные примеры.⁴⁸

Вопрос о строительстве церкви, теперь уже и для шведской и для немецкой общины, вновь встал на повестку дня после русско-шведской войны. Построенная в 1671 г. церковь стала общей для двух приходов.⁴⁹ Общая церковь вызвала спор с суперинтендантом за право патроната, т.е. за право приглашать и утверждать священников и принимать решения в других областях церковной жизни. Особенно острым конфликт стал при суперинтенданте Петрусе Бонге, который, исходя из шведской практики, пытался унифицировать лютеранскую церковь в Ингерманландии.⁵⁰ Блестящую личность доктора теологии Петруса Бонга сформировала учеба в известных университетах Северных стран, Германии и Голландии. До приезда в Ингерманландию он был пастором в Швеции и Финляндии, профессором Туркуского университета и членом Государственного совета. Особую

известность он снискал в качестве историка церкви, автора первой систематической истории церкви Швеции.⁵¹ Написанная, вероятно, в 1678 г. просьба нарвского шведского прихода правительству содержит ходатайство о назначении суперинтендантом Ингерманландии Петруса Бонга, поскольку «такой ученый человек очень нужен этой земле, где сталкиваются разные люди и религии».⁵²

Причины конфликта немецкой и шведской общин кроются не только в борьбе за власть и в экономических интересах, но и в различном развитии церковных традиций на их родине. Шведская реформация по сути была лютеранской, но ее организационное развитие протекало самостоятельно, сохраняя историческую связь со средневековой церковью.⁵³ В шведской литургии сохранилось больше элементов католицизма, различия были и в церковном календаре. Например, в шведской церкви в Ингерманландии священник надевал ризу для мессы, а причастие принимали коленопреклоненно.⁵⁴

После посещения Ньюена в 1680 г. суперинтендант направил правительству длинное письмо с жалобами, в котором писал, что немецкий приход не только самовольно взял на себя право патроната над церковью, но и вообще отрицает распоряжения епископа.⁵⁵ В своем ответе магистрат в свою очередь жаловался на суперинтенданта, амбиции которого зашли так далеко, что он относится к ратманам как к мелким сельским пасторам. А именно, при общей инспекции Нарвы и Ньюена суперинтендант пожелал проэкзаменовать всех граждан без различия – крестьян и горожан. Понятно, не для проверки их познаний в области религии, а чтобы утвердить свой авторитет и унижить граждан.⁵⁶ Конфликт суперинтенданта с

⁴⁶ K. Väänänen. Herdaminee för Ingermanland, s. 192.

⁴⁷ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 444.

⁴⁸ K. Väänänen. Herdaminee för Ingermanland, s. 238.

⁴⁹ П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 65.

⁵⁰ A. Isberg. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Uppsala, 1973, s. 75.

⁵¹ K. Väänänen. Herdaminee för Ingermanland, s. 167.

⁵² RA, Livonica II: 208. Письмо нарвской шведской общины. Без датировки (1678?).

⁵³ E. Rhode. Studier i den Svenska Reformationstidens liturgiska tradition. Uppsala, 1917, s. 1.

⁵⁴ RA, Livonica II: 202. Письмо Г. Шталя и Э. Альбогиуса.

⁵⁵ RA, Livonica II: 202. Петрус Бонг – королю.

⁵⁶ RA, Livonica II: 207. Ньюенский бургомистр и Пат, 05.02.1681.

немецким приходом завершился его посвящением в епископы Выборга в 1682 г. По словам фон Бонсдорффа, церковный конфликт после этого угас сам собой.⁵⁷

Главным источником напряженности в шведской Ингерманландии был перевод православных в лоно лютеранской церкви, но в жизни Нюена он, вероятно, почти не проявлялся. В Нюене не было ни русской церкви, ни священника, немногие православные ходили на левый берег Невы в русскую часовню в деревне Воромполе в Спасском погосте.⁵⁸

Первые сведения о школе в Нюене появляются в 1632 г., когда губернатор Йохан Шютте назначил пастора Хенрикуса Фаттебуура «педагогом и учителем (прецептором)» нюенской школы, обязав его обучать молодых людей разным языкам, особенно немецкому.⁵⁹ Школа располагалась в церковной ограде рядом с пасторатом.⁶⁰ Согласно Вянянену, в королевском указе от 27 августа 1634 г. ее называли русской школой. Учителя назывались ректорами, в период с 1634-го по 1641 гг. их было двое: Йоханнес Портан, видимо, из Выборга, и родившийся в Вестеросе Петрус Андреа.⁶¹ Карл фон Бонсдорфф утверждает, что в 1635 г. в попечительском совете обсуждался вопрос о пожертвовании Библии на русском языке русской школе Нюена.⁶² Кари Таркиайнен полагает, что название «русская школа» объясняется тем, что Хенрикус Фаттебуур владел русским языком.⁶³

2 октября 1635 г. пасторы Выборгского епископата пожаловались, что в Ингерманландии в Нюенскансе создана школа, ждать от нее особой пользы не приходится, но зато она разрушает кафедральную школу в Выборге. Они предложили закрыть школу.⁶⁴ Правительство просьбу отклонило. Список школьников Нюена в 1640 г. помогает понять их тревогу. Из 39 мальчиков, носящих шведские и финские имена, 12 были родом из Выборга.⁶⁵ В списке следующего года мальчики разделены на три класса. В списке нет ни одного славянского имени, поэтому среди предметов нет и русского языка.⁶⁶

Осенью 1641 г. суперинтендант Генрих Шталь в своем отчете правительству писал, что в Нюене есть школа, но учитель целый год был болен, и тамошняя молодежь осталась без присмотра.⁶⁷ В начале 1642 г. Шталь писал, что собирается создать детские школы с одним учителем в Яме, Копорье и Нетеборге, в Ивангороде с тремя учителями, а в Нюене – с четырьмя, и все эти учителя, наряду с зарплатой, должны получить квартиру.⁶⁸

В 1642 г. нюенская школа была официально преобразована в городское училище (*Trivialschule*). Здесь преподавались те же предметы, что и в Нарвском городском училище, за исключением греческого и русского языков, а также богословия. В 1643 г. в нюенской школе работали уже три учителя.⁶⁹ Известно, что в 1649 г. в школе преподавали логику, риторику, поэтику и грамматику.⁷⁰ Учебная работа бы-

⁵⁷ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 443–445.

⁵⁸ Там же, с. 438.

⁵⁹ Там же, с. 446.

⁶⁰ П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 74.

⁶¹ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 46.

⁶² C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 450.

⁶³ K. Tarkiainen. Venäjätulkkit ja slavistikaan harrastus Ruotsin valtakunnassa 1595–1661. – Historiallinen Arkisto. Toimitannut Suomen Historiallinen Seurakunta. 64. Helsinki, 1969, s. 43. За эту статью, а так же и за все остальные касающиеся Ингерманландии работы выражаю глубокую благодарность д-ру Кари Таркиайнену, помогавшему мне советами, печатными работами и копиями из Шведского государственного архива.

⁶⁴ Prästerkapets besvär och Postulata av Viborgs stift, 2 okt. 1635. – Finska prästerskapets besvär och K. M. därpå givna resolutionen. Jyväskylä, 1892, s. 31.

⁶⁵ ИАЭ ф. 278, оп.1, д. XXIV:82, л. 427–427 об.

⁶⁶ Там же, л. 428, 428 об. Эти списки – также находка Энна Кюнга.

⁶⁷ RA, Livonica II: 202. Письмо Г. Шталя 22.09.1641.

⁶⁸ RA, Livonica II: 202. Письмо Г. Шталя 27.02.1642.

⁶⁹ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 46.

⁷⁰ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 450.

ла поставлена на удивление хорошо. Урбан Хьярне в своих воспоминаниях писал о том, что хорошо усвоенные им в училище основы логики и риторики позволяли ему уже в 12 лет свободно дискутировать со старшими учениками. Когда с началом войны он бежал в Нарву, тамошняя школа ничего не могла ему предложить, и 14-летний юноша продолжил учебу в Академии Густавиана (в Тарту).⁷¹ Имеются сведения, что в 1640-х гг. в Нюене существовала небольшая немецкая школа.⁷²

Школам нужны были учебники, в книгах нуждалось духовенство и горожане Ингерманландии. Сирь Лусмяги, исследуя состав Нарвской церковной библиотеки, находила в книгах XVI и XVII веков экслибрисы тогдашних горожан. В Ингерманландии в те времена книг не печатали.⁷³ О разрешении основать в Нарве типографию со шведским, латинским и русским шрифтами ходатайствовал в своем письме правительству от 1643 г. Генрих Шталь.⁷⁴ Типография в Нарве открылась лишь в самом конце века: Йоханн Кёлер получил привилегию печатания 22 июня 1695 г. от Карла XI.⁷⁵ В Выборге создание типографии стало актуальным с середины века, но лишь в 1689 г. это удалось энергичному епископу Петрусу Бонгу.⁷⁶ Путь книги в Нюен до русско-шведской войны можно реконструировать по прошению книготорговца Петера Тилеманна Хубе. В 1651 г. он по приглашению Теобальдуса Бруммерса приехал в Ингерманландию и торговал книгами в Тарту и Нюенскансе, это было для него «лучшим средством прожизвания». Поскольку Тарту

перешел к врагу, а Нюен сгорел, то книги Хубе здесь больше не кормили. Отъезду его в Стокгольм или Любек мешала клятва гражданина, об освобождении от которой он и просил, обязуясь также и впредь снабжать города книгами.⁷⁷ Из судебного дела 1655 г. о севшем на мель недалеко от Готланда корабле выясняется, что Хубе привозил свои книги через Любек из Нюрнберга.⁷⁸ Конечно, Хубе не был единственным здешним книготорговцем. В недатированном письме Нарвскому Рату он жаловался на Юргена Вальде, который без разрешения продавал календари, и из-за которого у него теперь более ста календарей превратились в макулатуру.⁷⁹

После русско-шведской войны влияние немецких граждан усилилось. По данным фон Бонсдорффа, шведское правительство в 1666 г. обещало магистрату, что если кто-то подаст жалобу на Нюен, решение не будет приниматься до тех пор, пока бургомистр и Рат не представят своих пояснений.⁸⁰ Королевская резолюция 1671 г. дала магистрату право инспектировать школу, проводя инспекции несколько раз в год, а также приглашать учителей, которых сочтет подходящими. За консисторией сохранялось право их экзаменовать и отклонять, однако, она сама не могла заполнять вакантные места.⁸¹ Во время визита 1680 г. суперинтендант Бонг остро критиковал немецкую школу Нюена, считая несправедливым, что учителю немецкой школы платят 100 риксталеров, хотя у него всего 12 учеников, в то время как зарплата шведского учителя мизерна, а у него 80 учеников. Резкое

⁷¹ H. Schück. Svenska bilder IV., Stockholm, 1940, s. 72.

⁷² C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 450.

⁷³ S. Lusmägi. Über die Bücher aus der Kirchenbibliothek zu Narva in der Estnischen Nationalbibliothek. – Kirik ja kirjasõna Läänemere regioonis 17. sajandil = The church and written word in the Baltic Sea region in the 17 th century = Kirche und Schrifttum der Ostseeländer im 17. Jahrhundert / Koostanud Piret Lotman. Tallinn, 1998, lk. 56 (Acta Bibliothecae Nationalis Estoniae; 7).

⁷⁴ RA Livonica II:202. Henrik Stahl 16.05.1642.

⁷⁵ ИАЭ ф. 1664, оп. 2, д. 199, л. 11. Подр. об этом См. Enn Küng, Johann Köler und die Druckerei in Narva 1695 bis 1705. – Buch und Bildung im Baltikum. Münster: LIT, 2005, s. 123–152.

⁷⁶ P. Laasonen. Piispalliset kirjapainajat Johannes Gezelius ja Petrus Bång. – Kirja Suomessa. Helsingin yliopiston kirjasto. Helsinki, 1988, s. 109.

⁷⁷ ИАЭ ф. 1646, оп. 2, д. 199, л. 1. О процедуре отказа от гражданства См. E. Küng. Narva kodanikkonnast, lk. 38–39.

⁷⁸ ИАЭ ф. 1646, оп. 2, д. 578, л. 1–36.

⁷⁹ ИАЭ ф. 1646, оп. 2, д. 199, л. 6.

⁸⁰ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 447.

⁸¹ Там же, с. 448.

разделение было, по его мнению, нецелесообразно, ведь если бы ученики час или два проводили вместе, это развивало бы знание языков.⁸² Подобная несправедливость побудила нюенский Рат пожаловаться королю на суперинтенданта Петруса Бонга, который не только нарушил их право патроната над школой и церковью, но использовал денежные средства немецкой школы для выплаты зарплат учителям шведской школы.⁸³

Преемник Петруса Бонга, суперинтендант Иоханнес Гезелиус нашел, что школьная обстановка в его епископате, особенно в Нюене, улучшилась.⁸⁴ Гезелиус предложил правительству развивать академическое образование в Нюене, имея в виду его выгодное расположение и очень малый расход на содержание. По его мнению, здесь могли бы обосноваться два образованных и известных лектора: один преподавал бы догматику, экзегезу, греческий и древнееврейский языки, а второй – латинский язык и логику с элементами истории и математики. Лучшие выпускники нарвской или нюенской школы, таким образом, получили бы необходимую подготовку для духовной карьеры или поступления в университет.⁸⁵ Правительство с доводами Гезелиуса не согласилось.

В конце века, по данным Петра Сорокина, нюенская школа была самым большим общественным зданием в городе, там училось 116 детей.⁸⁶ Последний ректор нюенской немецкой школы Йоахим Доннер приехал в Нюен из Любека в мае 1693 г., он основал школу с десятью учениками (шестеро мальчиков и четыре девочки), которых обучал чтению, письму и счету. В августе 1694 г. он принял местную немецкую школу, также смешанную.⁸⁷

По данным фон Бонсдорффа, в 1694 г. там учились 16 мальчиков и 12 девочек, а в 1697 г. – 33 мальчика и 12 девочек.⁸⁸ С началом беспокойных времен Доннер отправился в Выборг, а оттуда в Хельсинки. После пожара Хельсинки в 1710 г. он уехал с семьей в Стокгольм, где умер в 1748 г., будучи богатым купцом.⁸⁹

Хотя по резолюции 1679 г. городские чиновники избирались свободно (естественно, только из лютеран, и предпочтение отдавалось шведам⁹⁰), реальная власть к этому времени была у немецких граждан. В 1681 г. в письме шведскому королю нюенский Рат утверждал, что может с чистой совестью признать, что у них нет предпочтений по отношению к разным народам, и они всегда радели за единство и доверие всех граждан. Но истина в том, что этот пограничный город мог развиваться только благодаря чужеземным купцам, особенно если они прибывали из Германии или Голландии.⁹¹ Если власть нарвского купечества опиралась на давние торговые традиции и чувство собственного достоинства обладателей старого капитала, то на примере Нюена можно проследить, насколько важную роль играл новый торговый капитал не только во внутригородских, но и во властных отношениях между городом и государством.

Карл фон Бонсдорфф завершает свое описание истории Нюена утверждением, с которым в общих чертах приходится согласиться и сегодня: если мы хотим определить место Нюена на культурной шкале эпохи и сравнить его с другими городами, то следует признать, что наши источники недостаточны.⁹² Автор неоднократно выражает сожаление

⁸² RA, Petrus Bång kuningale. Livonica II: 202.

⁸³ RA, Livonica II: 207. Бургомистр и рат города Нюена. 05.02.1681.

⁸⁴ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 447.

⁸⁵ C. Öhlander. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland. Ett bidrag till svenska kyrkans historia åren 1617–1704. Uppsala, 1900, s. 187–188.

⁸⁶ П. Е. Сорокин. Ландскрона..., с. 74.

⁸⁷ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 175.

⁸⁸ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 448.

⁸⁹ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 175.

⁹⁰ C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 399.

⁹¹ RA, Livonica II: 207. Бургомистр и рат города Нюена 05.02.1681.

⁹² C. G. von Bonsdorff. Nyen och..., s. 450.

ние, что мы не в состоянии реконструировать менталитет горожан, внутреннее напряжение и повседневные заботы, другими словами – почувствовать дух этого места и времени.

Правда, не все так безнадежно. Сохранились жалобы нюенских купцов и красивая легенда о шведской королевской власти в Ингерманландии. Лучше всего время сохранило вышедшие из-под пера живших и работавших в Нюене духовных лиц печатные тексты, которые хранятся в отделах редких книг многих библиотек балтийского региона. Первый настоятель нюенской церкви Хенрикус Фаттебуур оставил свой след в культуре в качестве предполагаемого издателя двух анонимных катехизисов на финском языке в Выборге в 1630–1640-е гг.⁹³ От него и от других сохранились характерные для той эпохи поздравительные и погребальные речи, диссертации и стихотворения на случай. В качестве примера можно привести стихотворения тартуского периода жизни Бенъямина Крока, бывшего настоятелем нюенской церкви в 1666 г. Его сын Иоханнес Крок, написавший диссертацию «*I de verborum differentiis*», родился уже в Нюене.⁹⁴ В Тарту было опубликовано стихотворение на латинском языке, написанное Эрландусом Йоной Хьерне, бывшим нюенским пастором в 1648 г.⁹⁵ Время возместило Хьерне за поражение, нанесенное ему немцами Нюена. Заслуги двух его сыновей Томаса и Урбана, выросших в Нюене, оказались долговечней каменных зданий города, которые царь Петр сравнивал с землей. Сын Эрландуса Томас тоже писал стихи на шведском языке, но последующим поколениям он более известен как историограф.⁹⁶ Все же Томас

– всего лишь малоизвестный брат Урбана Хьерне (1641–1724).⁹⁷

Знаменитый врач и естествоиспытатель Урбан Хьерне писал и художественные произведения. Его трагедия «Розимунда», короткий роман «Стратоник» и стихотворения имеют явный биографический подтекст, кроме того, издана и его автобиография.⁹⁸ Под влиянием пережитых в юности ужасов войны он избрал местом своей учебы университет в Уппсала, где получил магистерскую степень его отец, и больше не вернулся в Ингерманландию. Однако произведения крупнейшего писателя XVII века, родившегося в Нюене, могут пролить дополнительный свет на историю его родного города, исчезнувшего с лица земли.

Пирет Лотман

1950

Магистр (1997).

Старший научный сотрудник Национальной библиотеки.

Область исследований: Духовная культура XVII века.

piret@nlib.ee

⁹³ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 185; C. Öhlander. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland, s. 68.

⁹⁴ K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland, s. 218–219.

⁹⁵ Там же, с. 296.

⁹⁶ Из исторического наследия Томаса Хьерне укажем на работы: Hiärne, Thomas. Ehst- Lyf und Lettländische Geschichte (*in sieben Büchern, bis 1612*); Collectanea betreffend die liefländischen Historien, und was zu deren Erklärung nötig. Aus vielen Autoren, die man nicht leichtlich bekommen kann, zusammengetragen. (*Afmno. 1670... 1675*). Подр.: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Ehstland und Kurland. Bd. 1, A – F / bearbeitet von Johann Friedrich v. Recke und Karl Eduard Napiersky. Mitau – Steffenhagen, 1827, s. 293.

⁹⁷ А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц. С-Пб., 1909. с. 242.

⁹⁸ U. Hiärne. Samlade dikter. Utgivna av Bernt Olsson och Barbro Nilsson. Svenska Vitterhetssamfundet, Stockholm, 1995, с. 7–8.